

УДК 821.133.1

РОМАН С. ЖЕРМЕН «ВЗГЛЯД МЕДУЗЫ» КАК АЛЛЕГОРИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА

канд. филол. наук, доц. О.Ф. ЖИЛЕВИЧ
(Полесский государственный университет, Пинск)
jilevitch@gmail.com

Обосновывается актуальность изучения творчества С. Жермен с позиций присутствия в нем жанровой модификации философско-аллегорического романа. Отмечается значительное влияние философии Э. Левинаса на творческую манеру французской писательницы. В центре произведений С. Жермен — этическая проблематика (насилия, морального выбора, страдания, вины, искупления), артикулированная посредством парадигмальной фигуры Другого. На примере романа «Взгляд Медузы» рассматривается специфика одной из возможных форм трансцендентального — диалог. Выстраивая систему симметричных персонажей, романист аргументирует философский постулат о том, что Другой — единственный мыслимый гарант Я. В статье позиционируется характерный повествовательный прием С. Жермен, «философская аллегоризация». Данный прием позволил автору уклониться от явных морально-этических умозаключений, был направлен на то, чтобы подтолкнуть читателя — нашего современника — выйти за границы повседневности и предоставить ему возможность открыть первостепенность духовных ценностей.

Ключевые слова: французская литература, Сильви Жермен, Эммануэль Левинас, этическая философия, новый роман, философско-аллегорический роман, этика, аллегоризация, Другой, диалог.

Введение. Литературный процесс второй половины XX века, протекавший в русле интенсивного поиска путей развития и отмеченный многообразием сосуществовавших в нем философско-эстетических позиций, является объектом неослабевающего внимания исследователей. Несмотря на это, многие литературные явления, как частного, так и общего порядка, относящиеся к этому периоду времени, все еще остаются недостаточно исследованными. Одним из таких феноменов является философско-аллегорический роман, в котором отразились глубинные художественно-эстетические и идейно-духовные процессы эпохи. Его уникальность состоит в том, что он может проявляться в творчестве практически каждого мастера слова, что уже само по себе делает его неиссякаемой темой исследования для гуманитарных дисциплин.

Во французской литературе философско-аллегорический роман представлен в творчестве писателей XX века: А. Франса, Р. Роллана, А. Жида, М. Пруста, Л.-Ф. Селина, Ж.-П. Сартра, А. Камю, А. де Сент-Экзюпери, Л. Арагона, Р. Мерля, А. Лану, Веркора, Ж.-М. Г. Леклезю, Ж. Эшноза, М. Турнье, С. Жермен. Актуальность настоящего исследования обусловлена неразработанностью теоретических и историко-литературных проблем философско-аллегорического романа в контексте французской литературы второй половины XX века как в отечественной, так и зарубежной науке.

Творчество Сильви Жермен (*Sylvie Germain*, род. 1954) ярко подтверждает то, что философско-аллегорический роман, пройдя длинную эволюцию, остается востребованным и сегодня. Философ и преподаватель, лауреат множества престижных литературных премий, С. Жермен — одна из наиболее значимых современных романистов. Будучи последователем этических идей известного философа Эммануэля Левинаса, писательница защитила докторскую диссертацию по проблемам аскетизма в христианской мистике (1981).

Ее первый роман «Книга ночей» (*Le Livre des Nuits*) был опубликован в 1985 г. и получил широкий отклик как у читательской аудитории, так и у критиков (книга была удостоена шести литературных премий). За второй роман — «Дни гнева» (*Jours de colère*, 1989) С. Жермен получила премию Фемина. За книгу «Магнус» (*Magnus*, 2005) романист была удостоена Гонкуровской премии по версии французских лицейцев (*Prix Goncourt des Lycéens*). В 2013 г. она стала кандидатом в члены Французской академии, а также членом Королевской академии французского языка и литературы Бельгии.

Проза С. Жермен не укладывается в рамки одной литературной школы или художественного метода. Зарубежные литературоведы относят творчество писательницы к экзистенциализму [1], мистическому реализму [2] и постмодернизму [3]. А. Гуле утверждает, что творческая манера письма С. Жермен наиболее близка «новому роману» [4]. Однако для нашего исследования наибольшую значимость представляет то, что в своих произведениях автор поднимает морально-философскую проблематику, обращается к универсальным вопросам бытия и его познания. Романы «Книга ночей», «Янтарная ночь» (*Nuit d'ambre*, 1987), «Дни гнева», «Дитя-медуза» (*Enfant Méduse*, 1991, в русском переводе — «Взгляд медузы», 2002), «Безмерность» (*Immensités*, 1993), «Магнус» (*Magnus*, 2005) имеют притчево-аллегорическую поэтику.

Цель предложенной публикации — выявить специфику и истоки философско-аллегорической поэтики романа «Взгляд Медузы» Сильви Жермен.

Основная часть. Значительное влияние на мировоззрение С. Жермен оказала этическая философия Э. Левинаса. По Левинасу, начало человеческого бытия связано с возникновением отношения одного человека к Другому. Этика для философа — это духовное видение, этика говорит о зарождении понятия человеческого как такового и об истоках культуры [5]. В одном из интервью С. Жермен отмечала: «Мои книги написаны под убеждением значимости Другого. Другой формирует наш характер, наше мировоззрение, Другой сопровождает нас в конфликтных ситуациях, в конфронтации, которая, возможно, являет-

ся начальной формой борьбы с ангелом – библейского сюжета, к которому я прибегаю начиная с первых романов. Мои книги пропитаны новой этикой Левинаса, его идеей возвращения к духовным истокам, к самому себе – то, что забыто в *Другом* и что постоянно напоминает: «Ты не убьешь» – то, что написано на лице *Другого*, но постоянно высмеивается историей!¹ (здесь и далее перевод с французского наш – О. Ж.).

В своих произведениях С. Жермен акцентирует внимание на первоисточнике проблем зла и вытекающей из них возможности или невозможности придания всему сущему формы бесконечности. Иными словами, автор задается вопросом, способен ли человек, жестокий по натуре, стремящийся к доминированию и подчинению, признать свое моральное падение и встать на путь исправления во имя *Другого*. Писательница признает, что человеческий мир в двадцатом столетии как никогда крайне ожесточен, балансирует на грани насилия, и если зло преобладает, то есть ли вероятность выхода к чему-то высшему? С. Жермен пытается дать ответ на этот вопрос, возводя в основной ракурс образы героев-жертв, которые олицетворяют собой путь к Богу или иным высшим силам.

В романе С. Жермен «Взгляд Медузы» разворачивается конфликт между насильственной формой бытия в образе *Другого* и страданием невинного ребенка. Главная героиня, подросток Люси Добинье, вынужденно вступает во взрослую жизнь после изнасилования ее сводным братом Фердинандом. Люси превращается в существо, которое не является ни ребенком, ни взрослым. Она живет в своем вымышленном мире, где реальность переплетена со сказкой и мифом. Неопределенность, которая окружает Люси, узурпирует ее мир фантазий, поскольку она стремится соединить в себе *Других*, чтобы защитить себя от угрозы, которую представляет Фердинанд. С точки зрения философии Э. Левинаса, период жизни Люси до изнасилования – это состояние «*chez soi*» («замкнутость в себе», «чувство одиночества»); ей комфортно в мире, который она создала для себя. Фердинанд, в данном случае, играет роль *Другого* и, в аллегорической форме, олицетворяет зло, насилие, тоталитаризм.

По мысли С. Жермен, ее персонаж, Фердинанд, может признать страдание *Другой* и отказаться от насилия, однако не делает этого. Его влечение к *Другому* – физиологическое, а не метафизическое и этическое. Реакция Люси на нарушение этической ответственности *Другого* – это опорная точка, от которой автор развивает идеи Э. Левинаса в своем романе. Французский философ сохраняет веру в духовное исправление общества и стремится понять, как это осуществить и тем самым он не является сторонним наблюдателем морального разложения *Другого*, а ищет пути его исправления. В отличие от Э. Левинаса, С. Жермен пытается ответить на вопрос: что происходит с *Другим*, чье существование подвергается принудительному воздействию? Автор считает зло «заразным», утверждает, что насилие порождает ненависть. Люси наблюдает за насекомыми и птицами и умерщвляет их, что означает ее желание умереть.

Писательница аллегоризирует философию Э. Левинаса. Она не создает проблемные ситуации, в которых ее персонажи могут проанализировать свои поступки и их последствия. С. Жермен погружает читателя в атмосферу разветвленных метафор и аллегорий, отражая таким образом в скрытой форме восприятие и реакцию героев. К примеру, Люси чувствует, что она не может словами передать свой ужас другим людям, поэтому автор передает ее мысли через описания ее чувственного восприятия. Своеобразное перевоплощение Люси представляет собой альтернативу левинасской этике, в которой нарушается независимость *Другого*. Образ Люси Добинье в условной форме отражает современное общество, общая тенденция которого – это насилие над жертвами. Автор пророчествует: зло убивает милосердие, несмотря на имманентность этического императива.

Роман «Взгляд Медузы» начинается с экфрастического описания солнечного затмения. Затмение символизирует «счастлирое детство Люси и Феликса, погруженное в их восхищение землей и небом». [7, р. 10] Однако это затмение персонифицировано как «небесный волк» *le loup céleste*, устойчивым выражением со значением хищничества и разбоя. Б. Бланкман отмечал, что «солнечные затмения всегда были предвестниками катастроф. В некоторых мифологиях они являются предзнаменованием смерти, а также смертью солнца, пожираемого чудовищем или диким животным, таким как дикая кошка, змей или "небесный волк", к образу которого С. Жермен будет обращаться на страницах романа не один раз» [8, р. 8]. По мнению писательницы, «затмения – это проявления «черного солнца», которое освещает другой мир во время его ночного путешествия, и предвещает большие перемены, такие как начало новой эры, или огненный конец света (то, что стоики называли *экипрозом*) [6, р. 14]. На страницах романа, свет и тьма – это метафоры. Свет – это то, что освещает, возрождает, а тьма – это лицевая сторона света или то, что скрывается от видения или познания. Аллегория соединения в романе света и тьмы означает, что невинные столкнутся со злом (опасностью), результатом чего будет либо противодействие стихийной силе тьмы и тем самым победа добра, начало «новой эры», либо власть стихийной силы тьмы и тем самым отказ от их трансцендентности, состояния, которое соответствует «огненному концу света». В данном случае С. Жермен намекает на решение самих детей: если «небес-

¹ «*Mes livres s'inscrivent dans cette conviction de l'importance de l'autre: on se constitue par l'autre, grâce à l'autre, jusque dans le conflit, dans un affrontement qui est peut-être la première forme de la Lutte avec l'ange, cette image biblique située au départ de mes premiers romans. Mes livres sont très imprégnés par ce passage opéré par Lévinas du niveau éthique vers le spirituel, vers un moi qui a sans cesse présent à l'esprit le «Tu ne tueras point» inscrit sur le visage de l'autre mais constamment tourné en dérision par l'Histoire» [6, с.55].*

ный волк поглотит свет»², то это поглощение поставит под сомнение свободу и ответственность. Автор пишет: «Это не день и это не ночь. Это совсем другое время, это хрупкая точка соприкосновения между минутами и вечностью, между чудом и страхом ... Внезапно в человеческой душе закрадывается сомнение относительно их судьбы в течении времени, во плоти мира ...»³. Согласно философским представлениям Э. Левинаса, *бесконечность*, или *вечность* – это выбор принять учение *Других* или нет, что ведет к трансценденции. В романе в аллегорической форме этот выбор воплощают двое детей – Люси и Лу-Фе, их чувственное восприятие продемонстрирует последствия того или иного решения.

Образы Люси и Лу-Фе – симметричные. Люси настаивает на том, чтобы они оба носили красные шарфы и, чтобы «Лу-Фе был ее близнецом» [9, р. 28]. Красный цвет ассоциируется с созвездием Блинецов, которое, как известно, в греческой мифологии связано с близнецами Кастором и Поллуксом, сыновьями Зевса и Леды. По задумке С. Жермен, Лу-Фе соответствует Поллуксу в том смысле, что он одержим звездами, восклицая: «когда я вырасту, я стану астрономом» [9, р. 20]. Следовательно, уподобление образа Лу-Фе небесам наделяет его бессмертием Поллукса. Люси соответствует Кастору, который одержим всем земным и природой. Симметрические отношения между двумя детьми, предполагают то, что Люси, как смертный и земной персонаж, представляет целостность, а Лу-Фе, как бессмертный и небесный персонаж, представляет концепцию бесконечности Э. Левинаса.

Автор определяет образ Лу-Фе исключительно с точки зрения астрономии. Он парадигматик этики Левинаса в романе. Его отсутствие после первого раздела романа углубляет такую интерпретацию: «Он близорук, носит очки ... он постоянно моргает веками. Это потому, что у него так много любопытства ко всему в этом мире, так много страсти, желание видеть невидимое, и так много страсти, особенно к географии неба. Это увлечение небесами захватило его с младенчества; с самого начала рождения Звезды, далекие планеты соблазнили его взгляд. Ему также нравится вспоминать, что он родился темной летней ночью под небом без луны и тумана. Чистое небо и купа созвездий...»⁴. Его рождение ночью не связано с темнотой затмения. Темнота, в данном случае, является средством, с помощью которого звезды становятся более яркими и выразительными. Звезды представляют собой неисчислимо «абсолютно иное», которое он стремится познать. Его желание стать «астрономом» свидетельствует об открытости *Другому*. Здесь же С. Жермен аллегоризирует концепцию Э. Левинаса о трансцендентности, одержимость Лу-Фе звездами связана с приукрашиванием *Другого*. Автор углубляет философские идеи Э. Левинаса, проводя соответствие между Лу-Фе и Лирой. Созвездие Лиры представляет собой арфу Орфея. Орфей – персонаж из греческой мифологии, связанный с доброжелательностью и гармонией с природой. Он был убит вакханатами, а его арфа, или лира, были спасены Зевсом и помещены в небеса. Гармония в образе Лу-Фе противопоставлена насилию вакханатов. Образ Лу-Фе, таким образом, представляет собой эстетизацию индивида, который отрекается от насилия психизма, гармонично взаимодействует с *Другим* и, таким образом, служит моделью для преодоления зла и поиска божественного.

Образ Люси – своеобразное «практическое» подобие парадигматического образа Лу-Фе. Иными словами, характер Люси используется для драматизации этики Левинаса в реальной ситуации. Лу-Фе – статичный, синхронный пример, а Люси – динамичное диахроническое его повторение. Это позволяет С. Жермен детально воспроизвести в своем романе ключевые постулаты философии Левинаса. В этом отношении «Взгляд Медузы» можно рассматривать как эстетическую феноменологию, параллельную герменевтической феноменологии Левинаса. Читатель погружается в мир книги С. Жермен через описания чувственного восприятия Люси, моральное-этическое содержание которого проявляется в контрасте между возвышенным и гротескным.

Люси описывается в романе как «маленькая игривая девочка лет восьми», а ее детство как «светлое и беззаботное, будто мыльные пузыри в свете солнца» [9, р. 19]. Писательница вводит религиозную аллегория пасхального утра в жизни своей героини как фантастически-возвышенное событие: «Самой счастливой половиной дня было утро; чудесный сбор красочных конфет и шоколадных жуков по саду. А затем появилась радуга, раскрыли свои бутоны цветы в безмятежности дня, этот ковчег смиренной славы, открытый на горизонте. Люси хотелось бы подбежать к этому ковчегу, переступить его порог, потому что, безусловно, с другой стороны мир должен быть другим»⁵. С. Жермен определяет образ радуги как символа Божьего завета, защищающего человечество. Автор добавляет: «Это колокол света, он несет цвета милосердия и издает тихий звук, преисполненный памяти: «И Бог сказал: вот знак равенства, кото-

² *Le loup céleste dévore la lumière* [9, р. 12].

³ *Ce n'est pas le jour, ce n'est pas la nuit. C'est un temps tout autre, c'est un frêle point de tangence entre les minutes et l'éternité, entre l'émerveillement et l'effroi... C'est soudain le doute dans l'âme des hommes quant à leur destin dans le vent du temps, dans la chair du monde...* [9, р. 16].

⁴ *Il est myope, il porte des lunettes...il cligne sans cesse de paupières. C'est qu'il a tant de curiosité pour toutes choses de ce monde, tant d'ardeur à voir le visible, et tant de passion surtout pour les géographies du ciel. Cet engouement pour le ciel s'est saisi de lui dès sa petite enfance; d'emblée les étoiles, les astres, les planètes lointaines ont séduit son regard. Il aime d'ailleurs bien rappeler qu'il est né au plus noir d'une nuit d'été, sous un ciel sans lune ni brouillard. Un ciel pur et constellé* [9, р. 20].

⁵ *Le bonheur du jour, c'était le matin; la cueillette miraculeuse de bonbons bariolés et de bestioles en chocolat à travers le jardin. Et puis il y a eu l'apparition de l'arc-en-ciel, ce déploiement de couleurs tendres dans la sérénité du jour, cette arche d'humble gloire ouverte à l'horizon. Lucie aurait voulu courir jusqu'à cette arche, en franchir le seuil, car certainement de l'autre côté le monde doit être différent* [9, р. 41].

рый я поставил между «Я» и «Ты», и всего живого, что с тобой, для будущих поколений»⁶. По задумке автора, мотив пересечения границы, первоначально введенный в отрывке с солнечным затмением, несет в себе смысл потери Эдемской невинности, то есть дети «покидают сады» (*quittent les jardins*) и, подобно Адаму и Еве, теряют свою безгреховность. Аллегорический переход Люси на другую сторону радуги можно интерпретировать как переход от эфемерной магии детства к жестоким реалиям взрослой жизни.

Заключение. Как справедливо замечает О. Губская, «литература ... – одна из тех составляющих, которая позволяет создавать впечатление об эволюции человека. Это один из тех источников, который насыщает нас опытом прошлых дней, не давая засохнуть, зачерстветь нашим сердцам в век высоких технологий...» [10, с. 18]. Э. Левинас и С. Жермен внесли свой вклад в развитие гуманитарных наук, углубив степень взаимодействия философии и литературы.

В своих романах С. Жермен рассматривала вопросы нравственного сознания, жестокости и насилия, совести и вины, искупления и/или возмездия, однако при этом она уклонялась от выводов, предоставляя читателю возможность самому решить, что истинно, а что ложно. В центре произведений С. Жермен, и, в частности, в основе философско-аллегорического романа «Взгляд Медузы» – образ *Другого*, скрытый в системе симметричных персонажей. Существование *Другого* подразумевает диалог, как одну из возможных форм трансцендентального. В данном произведении писательница аргументирует философский постулат о том, что *Другой* – это единственный мыслимый гарант существования *Я*. Повествовательный прием «философская аллегоризация» позволил автору уклониться от открытых морально-этических суждений и был направлен на то, чтобы побудить читателя мыслить, предоставить ему возможность самому найти истину.

ЛИТЕРАТУРА

1. Moris-Stefkovic, M. Vision et poésie dans l'œuvre romanesque de Sylvie Germain / M. Moris-Stefkovic. – Paris : Honoré Champion, 2014. – 219 p.
2. Besnard, A. Histoire individuelle, histoire collective dans deux romans de Sylvie Germain / A. Besnard // Études romanes de Brno. – 2012. – Vol. 33:1. – P. 177–188.
3. Laurence, E. Passeurs de douleurs chez Sylvie Germain / E. Laurence // Contemporary French and Francophone Studies. – 2017. Vol. 21:2. – P. 189–196.
4. Goulet, A. L'univers de Sylvie Germain / A. Goulet. – Caen : Presses universitaires de Caen, 2008. – 354 p.
5. Levinas, E. Basic Philosophical Writings / E. Levinas. – Bloomington, Indianapolis : Indiana University Press, 1996. – 201 p.
6. Schaffner, A. Entretien avec Sylvie Germain / A. Schaffner // Roman 20–50. – 2005. – Vol. 39. – P. 107–115.
7. Krell, J. The Ogre's Progress: Images of the Ogre in Modern and Contemporary French Fiction / J. Krell. – Newark : University of Delaware Press, 2010. – 230 p.
8. Blanckeman, B. Sylvie Germain: parcours d'une œuvre / B. Blanckeman // Roman 20-50. – 2005, Vol. 39. – P. 7–14.
9. Germain, S. L'Enfant Méduse / S. Germain. – Paris : Gallimard, 1991. – 290 p.
10. Губская, О. Н. Осмысление феномена человека: от ессе homo до homo soveticus (на примере произведений Максима Горького, Василя Быкова и Светланы Алексиевич) [Электронный ресурс] / О.Н. Губская // Социально-политические и культурные процессы на территории стран Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе. – Пинск, 2017. – С. 18–22. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30651180>. – Дата доступа: 19.12.2018.

Поступила 27.12.2018

«THE MEDUSA CHILD» BY SYLVIE GERMAIN AS AN ALLEGORY OF THE CONTEMPORARY WORLD

V. JYLEVICH

The article substantiates the relevance of studying the creativity of S. Germain from the standpoint of the presence in it of a genre modification of a philosophical-allegorical novel. The significant influence of E. Levinas philosophy on the creative style of the French writer is noted. In the center of the works of S. Germain – ethical issues (violence, moral choice, guilt, redemption), articulated through the paradigm figure of the Other. On the example of the novel “The medusa child”, the specificity of one of the possible forms of the transcendental – dialogue – is considered. Building a system of symmetrical characters, the novelist argues for the philosophical postulate that the Other is the only conceivable guarantor of I. The characteristic narrative device S. Germain, “philosophical allegorization”, is positioned in the article. This technique allowed the author to evade explicit moral and ethical conclusions, was aimed at pushing the reader – our contemporary – to go beyond the boundaries of everyday life and give him the opportunity to discover the primacy of spiritual values.

Keywords: French literature, Sylvie Germain, Emmanuel Levinas, ethical philosophy, “nouveau roman”, philosophical-allegorical novel, ethics, allegorization, Other, dialogue.

⁶ *C'est une cloche de lumière, elle porte les couleurs de la miséricorde et elle n'émet qu'un son qui est de pur silence et de haute mémoire: «Et Dieu dit : Voici le signe de l'alliance que je mets entre Moi et vous et tous les êtres vivants qui sont avec vous, pour les générations à venir : Je mets mon arc dans la nuée et il deviendra un signe d'alliance entre Moi et la terre»* [9, p. 38].